

Социальный капитал в смешанной реальности у подростков и молодежи с разными личностными и пользовательскими характеристиками*

Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова^а, М. В. Сиян

Московский институт психоанализа,

Российская Федерация, 121170, Москва, Кутузовский пр., 34

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,

Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Сиян М. В. Социальный капитал в смешанной реальности у подростков и молодежи с разными личностными и пользовательскими характеристиками // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 2. С. 279–297. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.205>

В контексте цифровых трансформаций современный человек осваивает новые практики конструирования социальной сети контактов — социального капитала в смешанной онлайн-/офлайн-реальности. Цель данной работы — сравнительный анализ особенностей социального капитала в онлайн и офлайне у подростков и молодежи с разной выраженностью личностных и пользовательских характеристик. В исследовании приняли участие 1548 подростков и представителей молодежи, заполнившие методики для оценки социального капитала, цифровой компетентности, пользовательской активности, опыта позитивной и негативной онлайн-коммуникации, удовлетворенности жизнью, базисных убеждений и социальной ответственности. Рассчитан общий индекс социального капитала и выделены показатели, соответствующие общепринятым представлениям о двух его видах: связывающий (близкие устойчивые связи) и соединяющий (широкий круг знакомств). Результаты показали, что подростки характеризуются более выраженным связывающим капиталом, тогда как молодежь — соединяющим. Связь между онлайн- и офлайн-показателями подтверждает формирование гибридного социального капитала как ресурса управления социальной жизнью. Социальный капитал связан в первую очередь не с цифровой компетентностью или пользовательской активностью, а с личностными характеристиками: в частности, с позитивным образом Я, а также убеждениями о контролируемости жизни, собственной удачливости и доброжелательности мира, особенно у молодых девушек. У молодых мужчин социальный капитал играет меньшую роль в субъективном благополучии. У подростков расширение круга общения и накопление социального капитала тесно связаны с удовлетворенностью жизнью и стремлением к признанию в социальной группе. Позитивная онлайн-коммуникация способствует расширению слабых связей, тогда как негативная — укреплению сильных. Полученные данные подчеркивают значимость социального капитала как психологического ресурса в условиях конвергенции онлайн- и офлайн-миров: гибридный социальный капитал представляет собой

* Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова № И126012035841-3.

^а Автор для корреспонденции.

самостоятельный психологический конструкт, формирующийся на пересечении пользовательских характеристик, личностных ресурсов и социальных стратегий.

Ключевые слова: социальный капитал, смешанная реальность, цифровая социальность, социальные сети, подростки, молодежь.

Введение

Цифровая трансформация заметно расширила круг социальных связей современного человека. Исследователи отмечают, что активный пользователь социальных сетей и мессенджеров обзаводится большим числом знакомых и друзей, а также начинает причислять себя к более широкому кругу значимых групп и сообществ. При этом социальные контакты выросли не только количественно, но, похоже, происходят и их качественные изменения. Социальные контакты и связи не просто дополняют личность в контексте социального взаимодействия и социального познания, а, интериоризируясь, превращаются в значимые новые психологические средства взаимодействия и познания, являющиеся частью когнитивно-социальной системы современного человека, соединенной с его технологическим оснащением (Солдатова, Войскунский, 2021). Технологически достроенная или расширенная личность осваивает новые практики конструирования социальной сети контактов — социального онлайн- и офлайн-капитала, который может выступать и как ресурс для удовлетворения ее потребностей в развитии и самореализации, и как потенциальный источник столкновения с различными рисками. Понимание специфики практик накопления социального капитала расширенной личностью и обращения с ним, его атрибутов и роли в условиях цифровой повседневности представляется особенно актуальным для поколений, наиболее активно действующих в смешанной реальности, — для подростков и молодежи.

Социальный капитал — широко используемый термин, возникший на стыке экономики и социологии и в дальнейшем получивший популярность в различных областях науки, в том числе и в психологии. Классическими для понимания данного феномена стали работы социологов П. Бурдьё (P. Bourdieu) и Дж. Коулмана (J. Coleman) и политолога Р. Патнэма (R. Putnam). Эти и другие авторы выделяют следующие характеристики социального капитала:

- широта, сила и характер социальных связей;
- доверие;
- ответственность;
- чувство принадлежности;
- нормы взаимности;
- возможности использования социальных контактов как ресурсов (Coleman, 1988; Bourdieu, Wacquant, 1992; Burt, 1992; Putnam, 1995).

В работах Р. Патнэма выделены качественно различающиеся типы социального капитала: сплачивающий группу, или связывающий (bonding), и наводящий мосты, или соединяющий (bridging) (Putnam, 1995). Связывающий капитал характеризуется сильными внутренними связями и особыми отношениями взаимообмена близкого круга людей, а соединяющий представляется «космополитическим», соединяющим участников разных групп, расширяющим круг связей и взаимного обмена и, по терминологии М. Грановеттера (M. Granovetter), включающим слабые

связи. Таким образом, связывающий капитал отражает структуру тесных эмоционально значимых отношений, обеспечивающих поддержку и чувство принадлежности, тогда как соединяющий капитал — широту сети связей, способствующих самореализации и доступу к новым социальным возможностям.

В контексте возрастания роли цифровых технологий концепция социального капитала получает новое развитие, что находит отражение в появлении термина «социальный онлайн-капитал» (Williams, 2006). Появляются исследования, демонстрирующие роль цифровых технологий в укреплении соединяющего и связывающего социального капитала, повышении социальной активности и самооценки подростков и взрослых, росте благополучия пожилых людей, преодолении у взрослых социальной тревоги и одиночества, повышении социального доверия и поощрении коллективных действий (Солдатова и др., 2024; Mcloughlin et al., 2019; Neves et al., 2018; Zhai, 2019). Цифровые инструменты позволяют отдельной личности конструировать более масштабную и разнообразную социальную сеть контактов (Kim, Shen, 2020; Kraut, Burke, 2015), что облегчает поиск и накопление профессиональных и личных ресурсов, а также расширяет возможности для оперативного получения необходимой информации или поддержки (Etxabe, 2018). Эмпирические исследования показывают, что цифровые технологии, особенно в молодежной среде, позволяют преодолевать барьер так называемого числа Данбара (R. Dunbar), названного в честь британского антрополога. До распространения социальных сетей оно составляло, по его мнению, в среднем 150 человек и определялось когнитивными и временными ресурсами индивида, требуемыми для поддержания стабильных социальных отношений (Dunbar, 2016; Meng et al., 2021; Perret, 2021).

Процесс накопления социального капитала рассматривается как один из важнейших механизмов, лежащих в основе влияния социальных сетей на субъективное благополучие (Huang et al., 2021; Verduyn et al., 2017). Результаты исследований социального онлайн-капитала молодых людей в контексте благополучия у молодежи и у подростков носят противоречивый характер, что требует дальнейшего изучения. С одной стороны, социальный капитал, накапливаемый в онлайн-пространстве, способствует удовлетворению важных потребностей в общении, чувстве принадлежности, взаимоподдержке и принятии, а также повышению самооценки и психологического благополучия в целом (Clark et al., 2018; Kim, Ahn, 2022; Lee et al., 2018; Pan et al., 2023). При этом данные свидетельствуют о том, что капитал, накапливаемый в реальном мире, более значим для благополучия, чем социальный онлайн-капитал (Chao et al., 2024). С другой стороны, онлайн-капитал у подростков и молодежи может быть связан с возрастающим риском столкновения с различными деструктивными практиками онлайн-коммуникации, например кибербуллингом, хейтингом, кибергруппингом, и вести к снижению благополучия и увеличению психологического стресса (Солдатова и др., 2023; Chen et al., 2022; Chen et al., 2023; Kaakinen et al., 2018; Maghsoudi et al., 2020). Одним из направлений исследований социального капитала стало изучение корпоративной социальной ответственности. При этом индивидуальная социальная ответственность и ее значение для социального капитала практически не изучены (Bai et al., 2023), хотя она также играет важную роль в стабильном развитии общества. Для благополучия индивида представляются важными его базисные убеждения, отражающие имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе и ока-

зывающие влияние на когнитивные процессы, эмоциональные состояния и поведение человека (Janoff-Bulman, 1989). В контексте социального капитала базисные убеждения рассматриваются нами как значимые предпосылки формирования связей с окружающими. При этом исследований связи базисных убеждений с социальным капиталом не обнаружено.

Исследовательский вектор постепенно смещается в сторону необходимости анализа совокупности виртуальных и реальных связей и возможностей различных технологий формировать социальный капитал онлайн и офлайн (Spottswood, Wohn, 2020). Такой подход соответствует актуальной методологии анализа современного мира как смешанной онлайн-/офлайн-реальности (Солдатова, Войскунский, 2021; Floridi, 2015; Otrell-Cass, 2019). С учетом немногочисленности таких исследований (см., напр.: Pan et al., 2023; Chao et al., 2024) анализ социального капитала как интегративного феномена смешанной реальности становится актуальной темой и дает возможность получить более целостное представление о качественных изменениях этого феномена в условиях конвергенции реальных и виртуальных миров.

Цель данной работы — сравнительный анализ особенностей социального капитала в онлайн и офлайне у подростков и молодежи с разной выраженностью личностных характеристик (удовлетворенность жизнью, социальная ответственность, базисные убеждения) и пользовательских черт (пользовательская активность, цифровая компетентность, опыт позитивного и деструктивного онлайн-общения). Выдвигались следующие гипотезы:

1. Социальный капитал офлайн и онлайн взаимосвязан, что определяет формирование у молодых людей гибридного социального капитала как инструмента управления социальными связями (социальной жизнью) и достижения целей в смешанной реальности.

2. Социальный онлайн-капитал у представителей цифрового поколения превосходит по размеру их социальный капитал в реальном мире и служит инструментом расширения капитала через слабые связи.

3. Существуют половозрастные различия в уровне удовлетворенности жизнью, выраженности базисных убеждений и социальной ответственности между группами с разными показателями общего, связывающего и соединяющего социального капитала.

4. Социальный капитал подростков и молодых людей связан с более высокими показателями пользовательской активности и цифровой компетентности, а также с опытом позитивных онлайн-взаимодействий и с частотой столкновения с онлайн-рисками.

Методы

Для изучения социального капитала респондентам предлагалось оценить его размер по ряду критериев:

- количество друзей и знакомых в реальной жизни;
- количество друзей и подписчиков в социальных сетях;
- количество друзей из реальной жизни в друзьях в социальных сетях;
- количество друзей для регулярного общения лицом к лицу;
- количество друзей для регулярного онлайн-общения;

- количество друзей и подписчиков в социальных сетях для обращения за поддержкой.

Варианты ответов: от «Нет друзей или френдов», «Меньше 10», «11–50», «51–100», «101–150», «151–199», «201–250», «251–300», «301–500», «Больше 500», «Затрудняюсь ответить»).

Для исследования пользовательских особенностей применялись следующие методы и методические приемы.

1. Пользовательская активность измерялась при помощи вопроса «Сколько времени в среднем Вы проводите в интернете в течение суток?» с возможными вариантами ответа от «Меньше часа» до «Больше 12 часов» с шагом в 1 час.

2. Для оценки интенсивности позитивного и негативного опыта социального взаимодействия подростков спрашивали, участвовали ли они в следующих проявлениях активности в сети: «Предложение помощи», «Приятные сюрпризы», «Проявление настоящей дружбы», «Романтические отношения, любовь», «Осуществление совместных дел или проектов», «Обсуждения, дискуссии», «Распространение фейков», «Конфликты, ссоры», «Травля, унижения, троллинг», «Обман, интриги, разоблачения».

3. Цифровая компетентность оценивалась с помощью скрининговой версии опросника «Индекс цифровой компетентности» (Солдатов, Рассказова, 2018).

Личностные характеристики изучались с помощью психодиагностических методик.

1. Удовлетворенность жизнью изучалась с помощью русскоязычной адаптации методики Э. Динера «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWLS), адаптированной Е. Н. Осиним и Д. А. Леонтьевым (Осин, Леонтьев, 2008).

2. Убеждения личности о мире оценивались с помощью русскоязычной версии методики Р. Янофф-Бульман «Шкала базисных убеждений», разработанной для измерения глубинных представлений человека о мире, себе и других людях и включающей пять шкал: «Доброжелательность окружающего мира», «Справедливость», «Образ Я», «Удача» и «Убеждение о контроле» (Падун, Котельникова, 2008).

3. Социальная ответственность оценивалась с использованием методики К. Муздыбаева, направленной на изучение принятия личностью ответственности за собственные действия (Муздыбаев, 1983).

При анализе данных использовалась программа IBM SPSS Statistics v. 25.

Выборка

Выборку составили 1548 человек: 891 подросток 14–17 лет (34 % юношей, 66 % девушек) и 635 представителей молодежи (21,9 % мужчин, 78,1 % женщин), проживающих в различных населенных пунктах РФ: Москве и МО (64,6 %), Хабаровске (13,7 %), Ижевске (8,9 %), Новосибирске (3 %), Санкт-Петербурге (0,6 %) и некоторых других (9,7 %).

Результаты

Социальный капитал и половозрастные особенности. Для большинства подростков (78,5 %) и молодых людей (79,5 %) количество друзей в реальной жизни не превышает 50 человек, больше 150 друзей в реальной жизни насчитывается

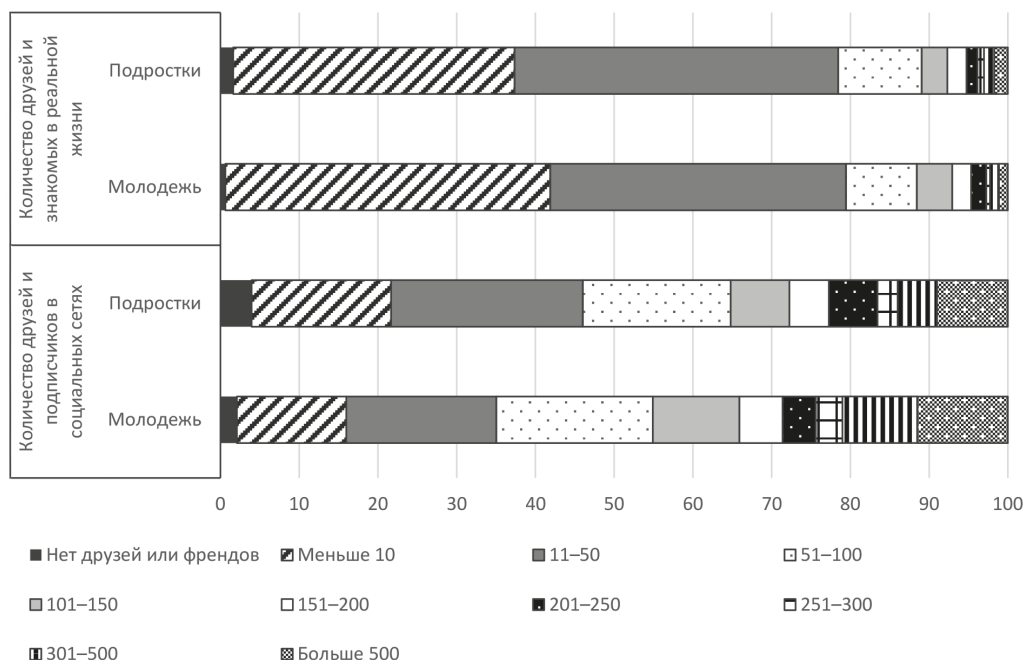

Рис. 1. Количество друзей в реальной жизни и социальных сетях, %

только у 7 % молодых людей (рис. 1). При этом количество друзей у молодых девушек и юношей соразмерно, а вот среди подростков у мальчиков значительно больше друзей в реальной жизни, чем у девочек ($t = -2,397, p < 0,05$).

В социальных сетях молодые люди обладают большим кругом друзей, чем подростки ($t = -4,106, p < 0,01$): у двух третей представителей молодежи и у половины подростков количество онлайн-друзей и подписчиков превышает 50 человек (рис. 1). При этом у каждого четвертого подростка и каждого третьего молодого человека накоплен значительный социальный капитал — более 150 человек, что превышает число респондентов обеих групп с таковым капиталом в реальной жизни в 4 и 5 раз соответственно.

Около двух третей подростков и молодых людей регулярно общаются как лицом к лицу, так и в сети не более чем с 10 друзьями (рис. 2). Каждый пятый представитель молодежи и каждый четвертый подросток общается регулярно лицом к лицу с более широким кругом людей (от 11 до 50 человек). При этом мальчики-подростки поддерживают регулярную связь с большим количеством человек как офлайн ($t = -3,03, p < 0,01$), так и онлайн ($t = -2,77, p < 0,01$).

У подавляющего большинства подростков (80,3 %) и молодых людей (81,5 %) количество друзей из реальной жизни в друзьях в социальных сетях не превышает 50 человек (рис. 3), при этом у подростков мужского пола данный показатель значимо превышает тот же показатель у подростков женского пола ($t = -2,61, p < 0,01$). Больше половины подростков и представителей обеих возрастных групп имеют до 10 друзей в социальных сетях, к которым они могли бы обратиться за помощью. Попросить о поддержке от 11 до 50 друзей могут около четверти подростков и меньше трети молодых людей.

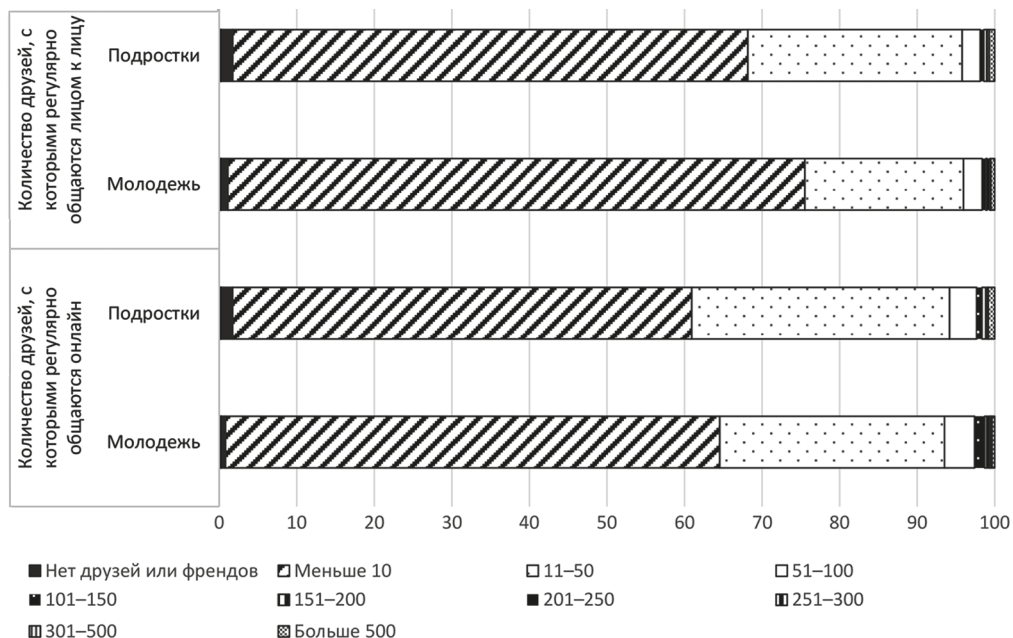

Рис. 2. Количество друзей, с которыми регулярно общаются лицом к лицу и онлайн, %

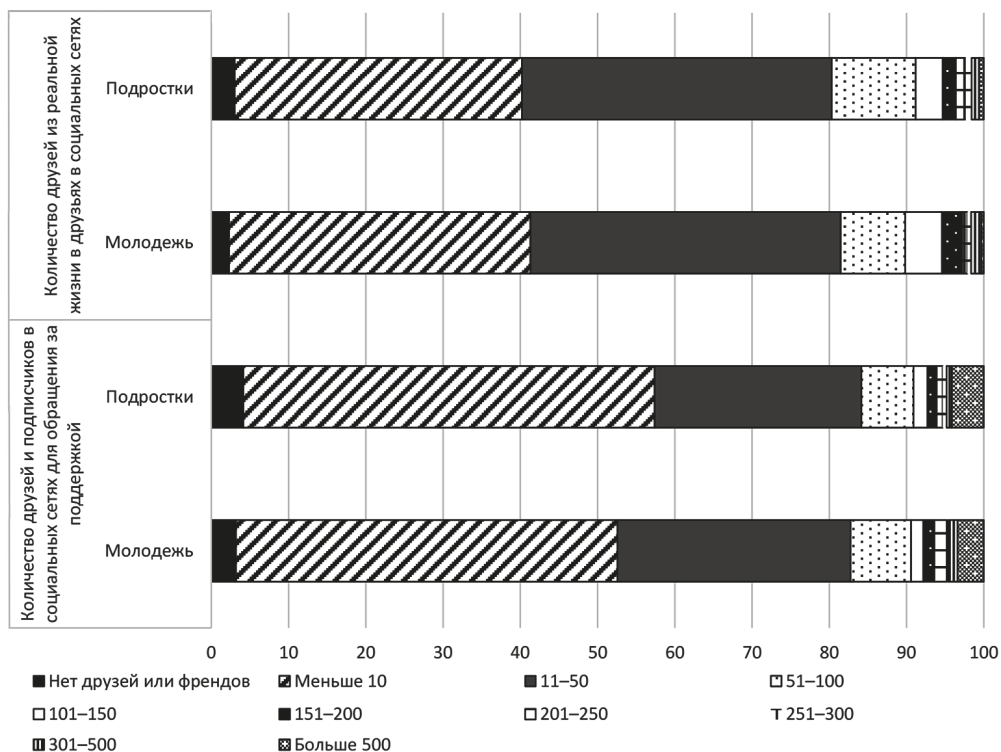

Рис. 3. Количество друзей из реальной жизни в социальных сетях и количество друзей и подписчиков в социальных сетях, к которым можно обратиться за поддержкой, %

Все перечисленные выше характеристики социального капитала связаны между собой как по всей выборке, так и отдельно в подвыборках подростков и молодежи ($r = 0,28-0,65$, $p < 0,01$), при этом наиболее сильные связи наблюдаются между количеством друзей в реальной жизни и количеством друзей из реальной жизни во френдзах в социальных сетях ($r = 0,64$), а также количеством друзей для регулярного общения лицом к лицу и онлайн ($r = 0,55$).

Анализ показателей социального капитала. С учетом высокой согласованности выделенных нами шести характеристик социального капитала (α Кронбаха 0,75) путем их усреднения был рассчитан общий показатель (индекс) социального капитала. Значимые различия по данному индексу между подростками ($M = 3,06$) и молодежью ($M = 3,14$) отсутствуют.

Далее был проведен факторный анализ пунктов для выявления отдельных компонентов социального капитала. Матрица ответов респондентов по отдельным показателям социального капитала была факторизована методом главных компонент с вращением Varimax с нормализацией Кайзера. Извлечение факторов основывалось на графике собственных значений компонентов. Было получено два фактора, описывающих 66,6 % общей суммарной дисперсии (табл. 1).

Таблица 1. Факторная структура характеристик социального капитала

Характеристики социального капитала	Компонент	
	F1	F2
Количество друзей для регулярного общения лицом к лицу	0,886	
Количество друзей для регулярного общения онлайн	0,852	
Количество друзей и подписчиков в социальных сетях для обращения за поддержкой	0,470	
Количество друзей в социальных сетях		0,890
Количество друзей из реальной жизни в социальных сетях		0,663
Количество друзей в реальной жизни		0,612

Фактор F1 (37,1 % дисперсии) описывает связывающий социальный капитал (отношения, которые человек активно поддерживает и которые выступают его непосредственным ресурсом поддержки), а фактор F2 (29,5 % дисперсии) — соединяющий социальный капитал (накопленная сеть знакомств или широта круга общения).

На основании общего показателя социального капитала и двух выделенных на основе факторного анализа показателей проведен дальнейший анализ.

Половозрастная специфика показателей социального капитала. Хотя значимых различий между подростками и молодежью по общему показателю социального капитала не выявлено, связывающий социальный капитал существенно выше у подростков ($t = -2,39$, $p < 0,05$), а соединяющий — у представителей молодежи ($t = -2,84$, $p < 0,01$).

У молодежи не наблюдается значимых различий по полу ни по одному из показателей социального капитала. У подростков мальчики значимо превосходят девочек по общему индексу социального капитала ($t = -2,37$, $p < 0,05$) и по связывающему социальному капиталу ($t = -2,84$, $p < 0,01$), но не по соединяющему.

Пользовательские и личностные характеристики в группах с высокими и низкими показателями социального капитала. Для дальнейшего анализа респонденты были разделены на группы с высокими, средними и низкими значениями общего показателя социального капитала, а также связывающего и соединяющего социального капитала (табл. 2). Разделение осуществлялось путем разбиения значений по терцилям. Далее сравнение представлено между крайними группами.

Таблица 2. Распределение респондентов по показателям социального капитала, %

Показатели социального капитала	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Общий социальный капитал	34,8	30,9	34,3
Связывающий социальный капитал	32,5	33,7	33,8
Соединяющий социальный капитал	33,7	32,9	33,4

Подростки обоих полов с высоким показателем социального капитала по сравнению с подростками с низким оказались более удовлетворены жизнью ($t = -4,86$, $p < 0,01$). Схожие различия наблюдаются и для соединяющего социального капитала ($t = -4,84$, $p < 0,01$), но не для связывающего. У молодежи различия по данному параметру не были обнаружены.

Ни у молодежи, ни у подростков не обнаружено различий между группами с высокими и низкими показателями общего, связывающего или соединяющего социального капитала по уровням социальной ответственности, цифровой компетентности и пользовательской активности.

Было выявлено, что у подростков с высокими показателями общего ($t = -4,94$, $p < 0,01$) и соединяющего ($t = -3,75$, $p < 0,01$) социального капитала были выше значения по шкале образа Я, чем у подростков с низкими показателями. Схожие различия были отмечены у молодежи: также для общего ($t = -4,94$, $p < 0,01$) и соединяющего ($t = -4,94$, $p < 0,01$) социального капитала.

По сравнению с группой с низкими показателями подростки с высокими показателями общего социального капитала демонстрируют более высокие значения по шкале удачливости ($t = -3,98$, $p < 0,01$). Это же различие проявляется у девушек ($t = -2,68$, $p < 0,01$).

По шкале убеждения о контроле обнаружены различия только у женской части выборки: у девушек с высоким уровнем общего ($t = -2,61$, $p < 0,01$) и соединяющего социального капитала ($t = -2,55$, $p < 0,01$) показатель данного убеждения был выше. У девочек-подростков те же различия касаются только общего показателя социального капитала ($t = -2,84$, $p < 0,01$).

Девушки с высоким уровнем общего ($t = -3,79$, $p < 0,01$) и соединяющего социального капитала ($t = -3,29$, $p < 0,01$) демонстрировали более высокие значения по шкале доброжелательности окружающего мира по сравнению с группами с низкими показателями.

У респондентов, имевших опыт участия или организации различных видов коммуникации в социальных сетях, общий показатель социального капитала был значимо выше, чем у респондентов без такого опыта: как в случае участия в позитивных видах коммуникации ($t = 4,22$, $p < 0,01$), так и в случае участия в негативных

($t=2,89$, $p<0,05$). При этом у респондентов с опытом позитивной коммуникации значимо выше соединяющий социальный капитал ($t=3,65$, $p<0,01$), в то время как у респондентов с опытом негативной коммуникации значимо выше связывающий социальный капитал ($t=2,49$, $p<0,05$). Различия более значимы для позитивных видов коммуникации.

Обсуждение результатов

Социальный капитал подростков и молодежи. Полученные результаты позволяют продемонстрировать специфику социального капитала подростков и молодых людей в контексте конвергенции онлайн- и офлайн-миров. Если в реальном мире социальный капитал подростков и молодых людей практически одинаков и, как правило, составляет круг друзей и знакомых до 50 человек, то социальные сети значительно расширяют возможности его накопления, в чем молодежь опережает подростков. Так, примерно треть молодежи и четверть подростков только в социальных сетях уже накапливают капитал, превышающий число Данбара — максимальное количество людей, с которыми человек может поддерживать стабильные социальные отношения (Dunbar, 2016). Более продолжительный путь социализации (школа, вуз, работа) расширяет круг знакомств, а поддержка его стабильности и активности происходит скорее за счет онлайн-инструментов, что согласуется с другими исследованиями (Dunbar, 2016; Meng et al., 2021; Perret, 2021).

При этом основой социального капитала в онлайн становятся реальные связи и контакты, что, в частности, отражает процесс оцифровки подростками и молодыми людьми реальной жизни и их стремления отразить ее в цифровом контексте. Это один из аргументов в пользу сближения виртуального и реального миров на основе целостного переживания смешанной реальности. Это также подтверждается связью круга регулярного общения и поддержки как онлайн, так и офлайн, который и у подростков, и у молодых людей составляет до 10 друзей. Данные о связи социального капитала онлайн и офлайн соответствуют существующим исследованиям (Huang et al., 2021). Таким образом, на примере подростков и молодежи мы можем наблюдать, как технологически достроенная личность осваивает новые практики конструирования социальной сети контактов на стыке онлайн и офлайна.

Высокий уровень согласованности отдельных пунктов для оценки социального капитала свидетельствует о возможности их рассмотрения как единого общего показателя социального капитала в смешанной онлайн-/офлайн-реальности, что соответствует последним трендам в научно-исследовательском дискурсе (Солдатова, Войскунский, 2021; Pan et al., 2023; Chao et al., 2024; Spottswood, Wohn, 2020). Факторный анализ позволил выделить два показателя внутри общего социального капитала, соответствующих общепринятым представлениям о двух его видах — связывающем и соединяющем (Putnam, 1995). Связывающий социальный капитал отражает близкий круг людей, объединенных регулярностью взаимодействия онлайн и офлайн и готовых оказывать поддержку друг другу. Соединяющий социальный капитал демонстрирует широту круга знакомств и включает в том числе слабые социальные связи (подписчиков). Наши данные демонстрируют, что связывающий социальный капитал существенно выше у подростков, а соединяющий — у представителей молодежи. В подростковом возрасте ведущая деятельность — взаимо-

действие со сверстниками, что предрасполагает к более регулярному общению со своим близким окружением по сравнению с молодежью. В то же время у молодежи есть свое преимущество — более широкий круг общения, составляющий разнообразную сеть знакомств, накопленную за более продолжительный период социализации.

Также среди подростков юноши превосходят девушек по общему показателю социального капитала за счет именно связывающего, но не соединяющего капитала. Таким образом, юноши поддерживают регулярное общение с большим кругом как офлайн, так и онлайн, они также добавляют больше друзей из реальной жизни в социальных сетях. Эти данные соответствуют гипотезе «богатые богатеют», в рамках которой люди с более высокими показателями традиционной социализации с большей вероятностью будут активнее участвовать в социальных онлайн-взаимодействиях (Cheng et al., 2019).

Хотя молодежь преуспевает в накоплении социального капитала, подростки могут эффективнее управлять им в силу более активного взаимодействия со своим окружением. В то же время социальные сети сокращают разрыв и сглаживают отличия между молодежью и подростками. В целом цифровые технологии способствуют росту у подростков и молодых людей и связывающего, и соединяющего типов социального капитала (Phua et al., 2017).

Пользовательская активность, цифровая компетентность и социальный капитал. Накопление социального капитала не связано ни с количеством времени, проводимым в цифровом пространстве, ни с уровнем цифровой компетентности. С одной стороны, это может объясняться относительной гомогенностью групп по данным показателям: большинство подростков и молодых людей характеризуется высокой пользовательской активностью, или гиперподключенностью, и достаточно хорошим уровнем цифровой компетентности. С другой стороны, накопление социального капитала может быть связано в большей степени не с общим ежедневным временем в интернете, а со временем, проводимым в социальных сетях, или общим стажем использования интернета и социальных сетей. Китайские подростки с большим стажем использования интернета по сравнению с теми, кто пользуется им менее года, чаще попадали в группы со средними и высокими показателями социального капитала (Pan et al., 2023). Также социальный капитал в смешанной реальности может быть связан не столько с цифровыми характеристиками, сколько с социально-психологическими и личностными особенностями, позволяющими выбирать разные стратегии его накопления.

Социальный капитал и опыт позитивной и негативной коммуникации в социальных сетях. Любой опыт коммуникации в цифровом пространстве связан с наращиванием социального капитала, что является результатом эффекта его самовозрастания, который стал особенно очевиден после изучения роста капитала в социальных сетях в 2000 г. При этом если позитивный опыт онлайн-коммуникации скорее играет роль в расширении круга знакомств и поддержании, в том числе слабых связей, то негативный опыт — в усилиях для укрепления и увеличения близкого круга (тыла и безопасности), который может оказать поддержку и регулярно быть на связи. Таким образом, социальные сети могут выступать ресурсным пространством удовлетворения социальных потребностей (Spottswood, Wohn, 2020). Стремление подростков и молодых людей, столкнувшихся с негативной

онлайн-коммуникацией, к расширению и укреплению своего связывающего социального капитала может свидетельствовать о выборе конструктивных способов совладания с негативным опытом общения в виде поиска социальной поддержки, что согласуется с представлениями о том, что в решении вопросов безопасности важен не столько опыт столкновения с онлайн-рисками, сколько адекватные стратегии совладания с ними (Livingstone et al., 2023).

Удовлетворенность жизнью и социальный капитал. Социальный капитал и в особенности его характеристики, отражающие широту круга общения, взаимосвязаны с более высокой удовлетворенностью жизнью у подростков. По-видимому, для данной возрастной группы благополучие в большей степени определяется реализацией социальных потребностей в принадлежности, принятии и признании, что выражается в том числе в расширении круга общения. Это соответствует результатам ряда работ в данной области, например исследованию корейских подростков, в рамках которого показано, что использование социальных медиа положительно связано с социальной поддержкой, а ее получение характерно для подростков с обширным социальным капиталом, который, в свою очередь, связан с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью (Choi, 2024).

Для молодежи картина меняется. У молодых мужчин социальный капитал оказывается не столь важен для субъективного благополучия. Если для благополучия подростков важнее широта круга, то для благополучия молодых женщин значимее становится ощущение поддержки и регулярность общения.

Социальная ответственность и социальный капитал. Социальная ответственность не различается в группах с разными характеристиками социального капитала, в том числе и онлайн. Такие результаты представляются важными, поскольку в определенной степени опровергают правомерность страхов перед анонимностью и дистантностью взаимодействий в социальных сетях, которые могут приводить к снижению ориентации пользователя на ответственность за свои действия перед обществом. Подростки и молодые люди с разным уровнем социальной ответственности выстраивают свои индивидуальные стратегии накопления социального капитала в смешанной реальности.

Базисные убеждения и социальный капитал. Убеждение индивида в том, что он хороший и достойный человек, взаимосвязано с расширением круга общения как у подростков, так и у молодых людей обоих полов. Это единственное базисное убеждение, которое имеет значение в социальном капитале всех исследуемых демографических подгрупп, что подчеркивает его ключевое значение в накоплении связей. Таким образом, как позитивное самоощущение может приводить к активному накоплению социальных связей, так и накопленный социальный капитал может способствовать росту самооценки. Другая составляющая базисного убеждения о ценности и значимости собственного Я — убеждение в собственной удачливости и везении, играет важную роль для подростков и для молодых женщин. Это частично можно соотнести с данными исследования, в рамках которого социальный капитал, накопленный онлайн, был связан с позитивной самооценкой (Zhai, 2024).

Убеждение в возможности контролировать свою жизнь связано с расширением социального капитала только у девушек из обеих возрастных групп. Для измерения выраженности данного убеждения используются такие пункты, как «Я могу влиять на то, что происходит со мной» или «Мир полон опасностей, и я должен

быть очень осторожен» (обратный). Для девочек-подростков и девушек данная шкала может отражать в первую очередь базисное чувство безопасности и владения собственной жизнью, которое способствует большей социальной смелости и расширению круга общения.

Убеждение в доброжелательности мира связано с величиной общего и соединяющего социального капитала у молодых женщин. Видимо, для женщин, активно ведущих коммуникативную деятельность, проще расширять свой круг знакомств, ощущая доверие к миру и ожидая позитивного отклика от окружающих. Социальный капитал во многом определяется распространенностью доверия среди членов общества или определенной группы (Fukuyama, 1996). Социальное доверие укрепляет сплоченность всего общества, стимулирует его членов к формированию тесных социальных сетей и в итоге способствует возрастанию социального капитала.

Ограничениями исследования выступает используемый метод, основанный на самоотчетах участников и количественной оценке социального капитала. Кроме того, структура выборки, представленная подростками и молодежью, не позволяет обобщить результаты на все возрастные группы. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ гибридного социального капитала у респондентов более старших групп, особенно у людей пенсионного возраста, которые чаще меньше вовлечены в цифровую социальную среду, а при этом поддержание социальных контактов, в том числе и онлайн, может способствовать росту их психологического благополучия. Для более глубокого понимания индивидуальных стратегий накопления и использования социального капитала в смешанной реальности также важным представляется дополнение количественных методов качественными.

Выводы

1. Технологически достроенная личность характеризуется сращиванием социального офлайн-/онлайн-капитала в смешанной реальности в гибридный конструкт, в котором продолжают взаимодействовать два вида капитала — связывающий и соединяющий. Цифровые инструменты позволяют подросткам и молодежи активнее накапливать и поддерживать именно соединяющий социальный капитал, что превращает гибридный капитал в более гибкий и специализированный инструмент управления социальной жизнью и расширяет возможности для личностного роста современного молодого человека. В то же время основу гибридного социального капитала составляют связи из реального мира, дающие ощущение надежного тыла и безопасности.

2. Для подростков и молодежи характерны различия в предпочтении вида социального капитала как инструмента управления социальной жизнью: в силу своей социальной ситуации развития молодежь эффективнее накапливает соединяющий капитал, а подростки — связывающий. В то же время цифровые технологии могут помочь сгладить этот разрыв, позволяя молодежи оставаться в более регулярном контакте со старыми друзьями, а подросткам — расширять круг общения. При этом позитивный опыт онлайн-коммуникаций способствует выходу за привычный круг общения и расширению слабых связей, а значит, укреплению соединяющего капитала, а негативный — поиску социальной поддержки через укрепление сильных связей.

3. Пользовательские характеристики оказываются менее значимыми для формирования социального капитала, в то время как подростки и молодежь с разными показателями социального капитала различаются по ряду личностных особенностей. Высокие показатели социального капитала чаще свойственны подросткам с высоким уровнем удовлетворенности жизнью. Базисное убеждение в позитивности образа Я является ключевым для накопления социального капитала всеми половозрастными группами: только уверенный в себе человек может эффективно выстраивать как сильные, так и слабые связи с окружением. Для подростков и молодых женщин роль в этом также играет уверенность в собственной удаче. Помимо этого молодым женщинам для эффективного накопления социального капитала важны уверенность в доброжелательности мира и контролируемости жизни, которые выступают для них мерой оценки безопасности взаимодействия с окружением.

Литература

- Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Ин-т социологии РАН; Рос. об-во социологов, 2008. С. 171–173.
- Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106.
- Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Краткая и скрининговая версии индекса цифровой компетентности: верификация и возможности применения // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 47–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305>
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Киберагрессия и цифровая культура: представления подростков, молодежи и родителей. М.: Моск. ин-т психоанализа, 2023.
- Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Рассказова Е. И. Анализ межпоколенческих особенностей формирования социального онлайн-капитала // Вопросы психологии. 2024. Т. 70, № 1. С. 35–49.
- Bai J., Du S., Jin W., Wan C. Is social capital associated with individual social responsibility? The case of social distancing during the COVID-19 pandemic // *Empiric Economy*. 2023. Vol. 64. P. 1861–1896. <https://doi.org/10.1007/s00181-022-02303-8>
- Bourdieu P., Wacquant L. P. D. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Burt R. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- Chao M., Rozgonjuk D., Elhai J. D., Yang H., Montag C. Personality associations with online vs. offline social capital and well-being variables // *BMC Psychology*. 2024. Vol. 12, no. 1. Art. 763. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02265-9>
- Chen Q., Guo S., Zhou Q. A structural equation model investigating the relationships among online and offline social capitals and child polyvictimization // *Child & Family Social Work*. 2022. Vol. 27, no. 4. P. 688–699. <https://doi.org/10.1111/cfs.12917>
- Chen Q., Xiao Q., Liu B., Lu Z. Bystander reaction differences between cyberbullying victims and non-victims among Chinese adolescents: The roles of online and offline social capitals // *Child & Family Social Work*. 2023. Vol. 29, no. 2. P. 354–362. <https://doi.org/10.1111/cfs.13088>
- Cheng C., Wang H., Sigerson L., Chau C. Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual // *Psychological Bulletin*. 2019. Vol. 145, no. 7. P. 734–764. <https://doi.org/10.1037/bul0000198>

- Choi D. Impact of social media use on the life satisfaction of adolescents in South Korea through social support and social capital // *SAGE Open*. 2024. Vol.14, no. 1. P.1–12. <https://doi.org/10.1177/21582440241245010>
- Clark J.L., Algoe S.B., Green M.C. Social network sites and well-being: The role of social connection // *Current Directions in Psychological Science*. 2018. Vol.27, no.1. P.32–37. <https://doi.org/10.1177/0963721417730833>
- Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. S95–S120. <https://doi.org/10.1086/228943>
- Dunbar R. Do online social media cut through the constraints that limit the size of offline social networks? // *Royal Society Open Science*. 2016. Vol. 3, no. 1. Art. 150292. <https://doi.org/10.1098/rsos.150292>
- Etxabe I. Measuring social capital with Twitter within the electronics and ICT cluster of the Basque Country // *City & Community*. 2018. Vol. 17, no. 2. P. 350–373. <https://doi.org/10.1111/cico.12297>
- Floridi L. *The onlife manifesto: Being human in a hyperconnected era*. Cham: Springer, 2015.
- Fukuyama F. *Trust — the creation of social morality and prosperity*. New York: Simon and Schuster, 1996.
- Huang L., Zheng D., Fan W. Do social networking sites promote life satisfaction? The explanation from an online and offline social capital transformation // *Information Technology and People*. 2021. Vol. 35, no. 2. P. 703–722.
- Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // *Social Cognition*. 1989. Vol. 7, no. 2. P. 113–136.
- Kaakinen M., Keipi T., Oksanen A., Räsänen P. How does social capital associate with being a victim of online hate? Survey evidence from the United States, the United Kingdom, Germany, and Finland // *Policy & Internet*. 2018. Vol. 10, no. 3. P. 302–323. <https://doi.org/10.1002/poi3.173>
- Kim C., Shen C. Connecting activities on social network sites and life satisfaction: A comparison of older and younger users // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 105. Art. 106222. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106222>
- Kim H., Ahn J. The effect of social media on social capital and life-satisfaction in the case of college sports // *Atlantic Journal of Communication*. 2022. Vol. 31. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/15456870.2022.2061712>
- Kraut R.E., Burke M. Internet use and psychological well-being // *Communications of the ACM*. 2015. Vol. 58, no. 12. P. 94–100. <https://doi.org/10.1145/2739043>
- Lee S., Chung J.E., Park N. Network environments and well-being: An examination of personal network structure, social capital, and perceived social support // *Health Communication*. 2018. Vol. 33, no. 1. P. 22–31. <https://doi.org/10.1080/10410236.2016.1242032>
- Livingstone S., Mascheroni G., Stoilova M. The outcomes of gaining digital skills for young people's lives and wellbeing: A systematic evidence review // *New Media & Society*. 2023. Vol. 25, no. 5. P. 1176–1202. <https://doi.org/10.1177/14614448211043189>
- Maghsoudi R., Shapka J., Wisniewski P. Examining how online risk exposure and online social capital influence adolescent psychological stress // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 113. Art. 106488. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106488>
- McLoughlin S.J., Faraj S., Kane G.C., Azad B. The impact of social networking sites on relationship maintenance of social capital // *Proceedings of the Twenty-fifth Americas Conference on Information Systems*. Cancun, 2019. P. 2810–2819.
- Meng F., Sun H., Xie J., Wang C., Wu J., Hu Ya. Preference for number of friends in online social networks // *Future Internet*. 2021. Vol. 13, no. 9. Art. 236. <https://doi.org/10.3390/fi13090236>
- Neves B.B., Fonseca J.R.S., Amaro F., Pasqualotti A. Social capital and Internet use in an age-comparative perspective with a focus on later life // *PLOS One*. 2018. Vol. 13, no. 2. Art. e0192119. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192119>
- Otrel-Cass K. *Hyperconnectivity and digital reality: Towards the eutopia of being human*. Cham: Springer Nature, 2019.
- Pan Ye., Zhang Yi., Ma Z., Wang D., Ross B., Huang S., Fan F. The more, the better? Social capital profiles and adolescent internalizing symptoms: A latent profile analysis // *Child Psychiatry & Human Development*. 2023. Vol. 56. P. 533–542. <https://doi.org/10.1007/s10578-023-01578-x>
- Perret J.K. The social brain of social media — a physiological boundary to the number of online relations // *Social Network Analysis and Mining*. 2021. Vol. 11, no. 1. Art. 54. <https://doi.org/10.1007/s13278-021-00762-y>

- Phua J., Jin S. V., Kim J. Uses and gratifications of social networking sites for bridging and bonding social capital: A comparison of Facebook*, Twitter, Instagram*, and Snapchat // *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 72. P. 115–122. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.02.041>
- Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. P. 65–78.
- Spottswood E. L., Wohn D. Yv. Online social capital: Recent trends in research // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 36. P. 147–152. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.031>
- Verduyn P., Ybarra O., Resibois M., Jonides J., Kross E. Do social network sites enhance or undermine subjective well-being? A critical review // *Social Issues and Policy Review*. 2017. Vol. 11, no. 1. P. 274–302.
- Williams D. On and off the 'Net: Scales for social capital in an online era // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2006. Vol. 11, no. 2. P. 593–628. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.00029.x>
- Zhai Yi. The role of online social capital in the relationship between Internet use and self-worth // *Current Psychology*. 2019. Vol. 40, no. 5. P. 2073–2082. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-0149-z>

Статья поступила в редакцию 18 июня 2025 г.;
рекомендована к печати 30 октября 2025 г.

Контактная информация:

Солдатова Галина Уртанбековна — д-р психол. наук, проф., академик РАО;
<https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, soldatova.galina@gmail.com
Чигарькова Светлана Вячеславна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0001-7473-9025>,
chigars@gmail.com
Сиян Марина Валерьевна — мл. науч. сотр.; <https://orcid.org/0000-0003-1680-6896>,
siyan.marina@gmail.com

Features of social capital in mixed reality among adolescents and young people with different levels of personal and user characteristics**

G. U. Soldatova, S. V. Chigarkova^a, M. V. Siyan

Moscow Institute of Psychoanalysis,
34, Kutuzovsky pr., Moscow, 121170, Russian Federation
Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Siyan M. V. Features of social capital in mixed reality among adolescents and young people with different levels of personal and user characteristics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 2, pp. 279–297. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.205> (In Russian)

This study examines the evolving construction of social networks — social capital — in the mixed online/offline reality of the digital age. The aim is to comparatively analyze the characteristics of online and offline social capital among adolescents and young adults, considering variations in personality traits and user characteristics. The study involved 1548 adolescents and young adults who completed questionnaires assessing social capital, digital literacy, user activity, experiences of positive and negative online communication, life satisfaction, basic beliefs, and social responsibility. A general social capital index was calculated, distinguish-

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

** The research was carried out within the framework of the state assignment of Lomonosov Moscow State University no. И126012035841-3.

^a Author for correspondence.

ing between bridging (close, strong ties) and bonding (broad networks of acquaintances) social capital. Results revealed that adolescents exhibited stronger bonding capital, while young adults demonstrated greater bridging capital. The correlation between online and offline indicators supports the formation of hybrid social capital as a resource for managing social life. Social capital correlated primarily not with digital literacy or user activity, but with personality characteristics such as positive self-image (self-worth), luck, control, and benevolence of the world, particularly among young women. Among young men, social capital played a less significant role in subjective well-being. For adolescents, expanding social circles and accumulating social capital were strongly linked to life satisfaction and the desire for social group recognition. Positive online communication fostered the expansion of weak ties, while negative communication strengthened strong ties. The findings highlight the importance of social capital as a psychological resource in the context of converging online and offline worlds.

Keywords: social capital, mixed reality, digital sociality, social media, adolescents, young adults.

References

- Bai, J., Du, S., Jin, W., Wan, C. (2023). Is social capital associated with individual social responsibility? The case of social distancing during the COVID-19 pandemic. *Empiric Economy*, 64, 1861–1896. <https://doi.org/10.1007/s00181-022-02303-8>
- Bourdieu, P., Wacquant, L. P. D. (1992). *An invitation to reflexive sociology*. Chicago, University of Chicago Press.
- Burt, R. S. (1992). *Structural holes: The social structure of competition*. Harvard, Harvard University Press.
- Chao, M., Rozgonjuk, D., Elhai, J. D., Yang, H., Montag, C. (2024). Personality associations with online vs. offline social capital and well-being variables. *BMC Psychology*, 12 (1), 763. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02265-9>
- Chen, Q., Guo, S., Zhou, Q. (2022). A structural equation model investigating the relationships among online and offline social capitals and child polyvictimization. *Child & Family Social Work*, 27 (4), 688–699. <https://doi.org/10.1111/cfs.12917>
- Chen, Q., Xiao, Q., Liu, B., Lu, Z. (2023). Bystander reaction differences between cyberbullying victims and non-victims among Chinese adolescents: The roles of online and offline social capitals. *Child & Family Social Work*, 29 (2), 354–362. <https://doi.org/10.1111/cfs.13088>
- Cheng, C., Wang, H., Sigerson, L., Chau, C. (2019). Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual. *Psychological Bulletin*, 145 (7), 734–764. <https://doi.org/10.1037/bul0000198>
- Choi, D. (2024). Impact of social media use on the life satisfaction of adolescents in South Korea through social support and social capital. *SAGE Open*, 14 (2), 1–12. <https://doi.org/10.1177/21582440241245010>
- Clark, J. L., Algie, S. B., Green, M. C. (2018). Social network sites and well-being: The role of social connection. *Current Directions in Psychological Science*, 27 (1), 32–37. <https://doi.org/10.1177/0963721417730833>
- Coleman, J. S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, S95–S120. <https://doi.org/10.1086/228943>
- Dunbar, R. (2016). Do online social media cut through the constraints that limit the size of offline social networks? *Royal Society Open Science*, 3 (1), 150292. <https://doi.org/10.1098/rsos.150292>
- Etxabe, I. (2018). Measuring social capital with Twitter within the electronics and ICT cluster of the Basque Country. *City & Community*, 17 (2), 350–373. <https://doi.org/10.1111/cico.12297>
- Floridi, L. (2015). *The onlife manifesto: Being human in a hyperconnected era*. Cham, Springer.
- Fukuyama, F. (1996). *Trust: The creation of social morality and prosperity*. New York, Simon & Schuster.
- Huang, L., Zheng, D., Fan, W. (2021). Do social networking sites promote life satisfaction? The explanation from an online and offline social capital transformation. *Information Technology & People*, 35 (2), 703–722.
- Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition*, 7 (2), 113–136.
- Kaakinen, M., Keipi, T., Oksanen, A., Räsänen, P. (2018). How does social capital associate with being a victim of online hate? Survey evidence from the United States, the United Kingdom, Germany, and Finland. *Policy & Internet*, 10 (3), 302–323. <https://doi.org/10.1002/poi3.173>

- Kim, C., Shen, C. (2020). Connecting activities on social network sites and life satisfaction: A comparison of older and younger users. *Computers in Human Behavior*, 105, 106222. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.106222>
- Kim, H., Ahn, J. (2022). The effect of social media on social capital and life-satisfaction in the case of college sports. *Atlantic Journal of Communication*. 31, 1–16. <https://doi.org/10.1080/15456870.2022.2061712>
- Kraut, R.E., Burke, M. (2015). Internet use and psychological well-being. *Communications of the ACM*, 58 (12), 94–100. <https://doi.org/10.1145/2739043>
- Lee, S., Chung, J.E., Park, N. (2018). Network environments and well-being: An examination of personal network structure, social capital, and perceived social support. *Health Communication*, 33 (1), 22–31. <https://doi.org/10.1080/10410236.2016.1242032>
- Livingstone, S., Mascheroni, G., Stoilova, M. (2023). The outcomes of gaining digital skills for young people's lives and wellbeing: A systematic evidence review. *New Media & Society*, 25 (5), 1176–1202. <https://doi.org/10.1177/14614448211043189>
- Maghsoudi, R., Shapka, J., Wisniewski, P. (2020). Examining how online risk exposure and online social capital influence adolescent psychological stress. *Computers in Human Behavior*, 113, 106488. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106488>
- McLoughlin, S.J., Faraj, S., Kane, G.C., Azad, B. (2019). The impact of social networking sites on relationship maintenance of social capital. In: *Proceedings of the Twenty-Fifth Americas Conference on Information Systems* (pp. 2810–2819). Cancun, Mexico.
- Meng, F., Sun, H., Xie, J., Wang, C., Wu, J., Hu, Ya. (2021). Preference for number of friends in online social networks. *Future Internet*, 13 (9), 236. <https://doi.org/10.3390/fi13090236>
- Muzdybaev, K. (1983). *Psychology of responsibility*. Leningrad, Nauka Publ. (In Russian)
- Neves, B.B., Fonseca, J.R.S., Amaro, F., Pasqualotti, A. (2018). Social capital and Internet use in an age-comparative perspective with a focus on later life. *PLOS One*, 13 (2), e0192119. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192119>
- Osin, E.N., Leontiev, D.A. (2008). Testing Russian versions of two scales for express-assessment of subjective well-being. In: *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* (pp. 171–173). Moscow, Institute of Sociology of the RAS Press; Russian Society of Sociologists Press. (In Russian)
- Otrel-Cass, K. (2019). *Hyperconnectivity and digital reality: Towards the eutopia of being human*. Cham, Springer Nature.
- Padun, M.A., Kotelnikova, A.V. (2008). Modification of the method for assessing core beliefs by R. Janoff-Bulman. *Psikhologicheskii zhurnal*, 29 (4), 98–106. (In Russian)
- Pan, Ye., Zhang, Yi., Ma, Z., Wang, D., Ross, B., Huang, S., Fan, F. (2023). The more, the better? Social capital profiles and adolescent internalizing symptoms: A latent profile analysis. *Child Psychiatry & Human Development*, 56, 533–542. <https://doi.org/10.1007/s10578-023-01578-x>
- Perret, J.K. (2021). The social brain of social media — A physiological boundary to the number of online relations. *Social Network Analysis and Mining*, 11 (1), 54. <https://doi.org/10.1007/s13278-021-00762-y>
- Phua, J., Jin, S.V., Kim, J. (2017). Uses and gratifications of social networking sites for bridging and bonding social capital: A comparison of Facebook*, Twitter, Instagram*, and Snapchat. *Computers in Human Behavior*, 72, 115–122. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.02.041>
- Putnam, R.D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 6, 65–78.
- Soldatova, G.U., Voiskunskii, A.E. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and the social evolution of the psyche. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 18 (3), 431–450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450> (In Russian)
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2018). Brief and screening versions of the Digital Competence Index: Verification and application possibilities. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 3 (31), 47–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305> (In Russian)
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Chigarkova, S.V. (2023). *Cyberaggression and digital culture: Perceptions of adolescents, youth and parents*. Moscow, Moscow Institute of Psychoanalysis Press. (In Russian)
- Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Rasskazova, E.I. (2024). Analysis of intergenerational characteristics in the formation of online social capital. *Voprosy psikhologii*, 70 (1), 35–49. (In Russian)

* The product of the Meta company, whose activities are recognized as an extremist in the Russian Federation.

- Spottswood, E.L., Wohn, D.Yv. (2020). Online social capital: Recent trends in research. *Current Opinion in Psychology*, 36, 147–152. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.031>
- Verduyn, P., Ybarra, O., Resibois, M., Jonides, J., Kross, E. (2017). Do social network sites enhance or undermine subjective well-being? A critical review. *Social Issues and Policy Review*, 11 (1), 274–302.
- Williams, D. (2006). On and off the 'Net: Scales for social capital in an online era. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 11 (2), 593–628. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.00029.x>
- Zhai, Yi. (2019). The role of online social capital in the relationship between Internet use and self-worth. *Current Psychology*, 40 (5), 2073–2082. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-0149-z>

Received: June 18, 2025
Accepted: October 30, 2025

Authors' information:

Galina U. Soldatova — Dr. Sci. in Psychology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education; <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, soldatova.galina@gmail.com
Svetlana V. Chigarkova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-7473-9025>, chigars@gmail.com
Marina V. Siyan — Junior Researcher; <https://orcid.org/0000-0003-1680-6896>, siyan.marina@gmail.com